

МЕТАБИОЗ СКВОЗЬ ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ЛИНЗЫ

Ничто так не влияет на нас, как воспоминания детства. Если уж совсем точно — первые впечатления от нового, ранее невиданного. Не облечённые в слова зрительные образы сопровождают нас всю жизнь, влияют на наше мироощущение. На творчество. Гамма образов и звуков, ярких и свежих иногда настолько сильна в человеке, что требует своего воплощения. И счастлив тот человек, который сумеет оживить её, погрузить зрителя в свой мир. Таким счастливым человеком и является Алексей Строганов, автор замечательных картин и сопутствующих им прозаических эссе.

■ **Алексей как родилась эта идея — картины, как воспоминания детства... картины вообще и картины «про автомобили» в частности?**

— Знаете, автомобили я любил всегда. Вот к примеру, когда я учился на художественно-графическом факультете пединститута, а учился я на вечернем отделении, нужно было работать где-то по специальности... И я пошёл на работу в дом пионеров. Там не было кружка рисования, но зато был кружок автомоделирования, который я и вёл в течение четырёх лет.

ное и неведомое, врезались в память. И я старался сохранить саму эту память. Впечатление, каким оно было когда-то давно. В детстве мы видим мир, как бы снизу. Все предметы огромны, они уходят ввысь — дома, деревья... А стоящий во дворе автомобиль, предназначение которого ещё не знаешь — это целый мир.

■ **Но это Ваш мир. Не мешает ли такая индивидуальность восприятия стремлению каждого художника — найти как можно больше поклонников творчества?**

— Да нет... Вот, успел выставиться в Манеже до того, как он сгорел... К моему удивлению наибольший отклик вызвала картина старой коммунальной кухни. Конечно, это близкая для многих тема. А что касается автомобилей — повышенный интерес

Автомобили. С детства я относился к автомобилям с особым интересом. Часто они казались мне живыми существами, иногда добрыми или равнодушными, иногда злыми. Проходя мимо стоящего близко от дома автомобиля, я впечатлялся огромностью колес, обилием всяческих трубочек, рычажков и кранов, особенно хорошо видных при невысокой точке зрения (с более высокой всё обычно не бросается в глаза). Чувствовалось, что всё находится на месте, это похоже на впечатление продуманности парусного вооружения и слаженности работы моряков со снастями корабля, где каждая веревочка и узелок настолько продуманы и завершены, что, думаю, несут в себе основу любой творческой деятельности, своим пределом имеют совершенство созданий Творца (конечно, никогда не достигая его). В какой-то момент я заметил, что автомобили стали терять для меня романтический ореол, что он стал вытесняться вождением удобства, мощности, простоты использования. Автомобиль уподобился удобному самодвижущемуся дивану. В противовес такому восприятию родилась идея автомобиля, не менее романтического, чем старинные парусники и замки и не менее таинственного, чем старый паровоз или самолет времени Нестерова.

■ **Стало быть, Ваш подход к предмету можно назвать и профессиональным?**

— Да не столько профессиональным. Просто сам предмет, техника вообще — это и автомобили, и трамваи, и самолёты, что-то большое, огром-

Меня всегда интересовала живопись художников, пытавшихся выразить дорогие мне переживания тишины, свежести, чистоты нашего мира, которые особенно ярки в детстве. Я искал и находил подобные чувства во многих автобиографических книгах, у многих художников, которые какими-то сторонами своей живописи прикасаются к тому же.

Эти воспоминания как-то особенно согревали душу в минуты уныния, ощущения бессмысленности и бесцельности жизни.

Постепенно у меня вызрел, сперва смутный, но все же образ живописи, позволяющей выразить эти исполненные тишины и благодати, но в то же время пронзительные образы.

Чудо детского восприятия мира в том, что все воспринимается как дар. Мир вокруг поэтичен, чудесен из-за отсутствия привычки к прагматической оценке всего. Поэтому так полноценна радость от пустячных вещей. Детская душа не мнит все своим и заслуженным, а получает подарок. Не терзается и не засоряет себя внутренней неудовлетворенностью от недостатка полученного. Отчасти из-за этого мир познается поэтически, цельно.

Любимый мной прием смешения интерьера и экстерьера, использование сферической перспективы, подчеркивающее внутреннюю точку зрения наблюдателя, довольно зримо указывает на объединение разновременных впечатлений.

Описание с субъективных внутренних точек зрения, в которых практически отсутствует пространственно-временная определенность...

проявили американцы. Есть предложения по организации выставки в США от владельца галереи. То есть, он видит возможность даже массового спроса. Но это у них. А у нас... у меня

есть и постоянные клиенты, те, кто покупают картину, ради самой картины, а не ради, как это часто бывает, украшения интерьера. Есть и такие люди. Вероятно, они сохранили некое незамутнённое, прагматическое восприятие.

■ **И всё же, в плане культуры отношения к технике и отображающих её произведений, мы пока что не догнали и не перегнали Америку. А Америка не воспримет интерьер коммунальной кухни. Как же жить художнику в современной России – неужели творчество даёт заработать на хлеб насущный?**

– Не совсем, конечно! Я работаю в издательстве художником, а картины пишу в свободное время. В начале 90-х был такой спрос на мои картины, что я уже было понадеялся ... и на квартиру получше и на мастерскую побольше. Но этим планам не суждено было сбыться. Так что, живу, где жил, а моя мастерская – восьмиметровая комната в коммунальной квартире. Работаю по вечерам, колдую с освещением... Маловато конечно. Полотна не всегда можно разместить во всю высоту – потолок мешает. Поэтому картины из нескольких частей приходится так частями и расставлять. А чтоб окинуть взглядом, дальше, чем на шаг не отступишь – стенка...использую бинокль. Переворачиваю обратной стороной и смотрю – издалека.

■ **Да, снять большую мастерскую сейчас могут только те, кто поближе к властям. А как же наши меценаты? Говорят, они у нас уже есть...**

– По большей части наши меценаты – просто добрые люди. Как-то один очень хороший человек, из самых добрых побуждений, ему очень нравятся мои картины, предложил мне под мастерскую сорок метров своего загородного дома... Я принял предложение, кстати, бесплатно, с радостью. Но у него ещё и подсобное хозяйство... Так что, пока зимой сорок метров протопишь, да корма скотине задашь... Так я ничего и не написал. Всё же мастерская должна быть где-то не в другом краю, а то времени ни на что не хватает.

Отстраняясь от бытовой суеты, чаще это бывает в минуты житейских встрясок, замечаешь, как что-то привычное и в общности своей почти незаметное, выделяется и становится странным, может быть непривычным, но каким-то омытым как бы благодатным дождем, после которого цвета приобретают утраченную звучность, и острее чувствуется целостность мира. Все видимое начинает представляться частями чего-то необъятного, очень разного и в то же время цельного.

Совершенно городской житель я подразумеваю пригород, даже изображая лес или сельский вид. Создавая урбанистическую среду, люди не всегда вкладывают душу в свои детища, но, обживая и заведомо холодный мир, те же люди неизменно вносят в него свою теплоту.

Природа тоже воздействует на облик города. Из-под асфальта, разрушая его, пробивается трава, на крышах вырастают деревья. Старей, ветшая, потом подновляясь, жилище, окружающее его, включается в то движение жизни, которое Велимир Хлебников еще в 1910 г. обозначил как метабиоз.

Из этого складывается очарование старых вещей, хранящих на себе отпечатки не одного поколения.

Вещи, дома, города становятся со временем полноправными членами сотворенного Богом мира. И какой-нибудь старый дом приобретает очарование таинственного муравейника, обжитых пчелиных сот, бобровой плотины или гнезда иволги.

■ Некоторая неустроенность творческого быта, как-то находит своё отражение в картинах?

— Да нет, скорее не это. К примеру, когда человек пишет какое-то произведение в прозе, он же может сменить тему, обратиться к воспоминаниям. Я не хочу изображать конкретные ситуации, мне важен образ, может быть

В детстве летом я подолгу жил у бабушки около большой сортировочной железнодорожной станции. Сильное впечатление производил на меня огромный синий тепловоз — высотой с хороший двухэтажный дом, с маленькими наклоненными вперед стеклами кабины, со сдержанно вибрирующими и таящими за собой нечеловеческую мощь боками-радиаторами, с лесенкой уводящей вверх на технические площадки. Он с неторопливой уверенностью причаливал к низкой платформе, перекрывая дорожку проложенную через пути, подавляя все вокруг, перегородившая своей пышащей жаром массой путь из прохладного привокзального домика к высокой платформе для пригородных поездов. Откуда-то сверху, из вагонов, прицепленных к тепловозу, спускались несколько человек, за это время я успевал прочитать на вагоне название какого-нибудь города в Сибири или Средней Азии.

К бабушке из Москвы я ехал на поезде почти сутки, поэтому мне легко было представить несущийся день за днем по степям и прохладным перелескам, со свистом пролетающий умытые дождем тихие полустанки поезд. Товарные составы с бесконечными вагонами, снабженными лесенками наверх, площадками, бытовками, смонтированными на них, бередили фантазию. Рождался образ романтического путешествия со свистящим в ушах ветром, с прогулками с площадки на площадку, с уютным сидением в непогоду в теплой рубке тепловоза.

детский или не обязательно детский, ну допустим, просто впечатление, когда жизнь кажется немного странной. Что-то разрушается, а что-то остаётся абсолютно точным. Я вообще испытываю некий трепет перед всеми этими подробностями. Вот, к примеру, на той же старой кухне стоит плита. Я ничего в ней не изменил. Как было, так и есть, включая, надпись «Куйбышевский СНХ». Это было, а значит должно остаться, пусть я даже не знаю, что это за «СНХ». Это наше. Как раз то самое, чего не поймут американцы, по крайней мере, по словам того владельца галереи.

■ Конечно, каждый зритель воспринимает произведения по-своему. Знаменитое «художник хотел этим сказать» не может претендовать на истину. Лучше спросить самого художника. Ваши картины – это ваше восприятие реальности или создание новой?

– Новая реальность – внутри. Отверстия, двери, лестницы – это как путь в непознанное. Вот – техника. Она живёт какой-то своей жизнью. Дверь машины вполне реальна, но может быть, это за ней существует иной мир. Это скорее, реальность с точки зрения человека, не имеющего опыта, когда он видит некий предмет первый раз и ещё не знает что это. Я как-то просматривал журналы и увидел спортивный послевоенный автомобиль Рено – синий, вытянутый, с таким уткообразным носом, абсолютно непривычный. Так что основа – впечатление. Не обязательно от чего-то необычного. Просто понравился автомобиль – как этот грузовик. Он и передвижная станция и дом для кого-то. Он – многозначен. И никто не знает что там сейчас ...

Беседовала Е. Артамонова

